

Андрей Голов

Отдел 13

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Андрей Голов

Отдел 13

«Автор»

2023

Голов А.

Отдел 13 / А. Голов — «Автор», 2023

Главный герой следователь Корнеев сталкивается с таинственным миром загадочных событий и необъяснимых происшествий в Нижнем Новгороде и его окрестностях. Как изменится его жизнь, когда вокруг оживают сказки и городские легенды? Что важнее - семья или правда, когда стоишь на границе с навью.

© Голов А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1. Съедобное – несъедобное	5
Глава 2. Тёмное внутри	14
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Андрей Голов

Отдел 13

Глава 1. Съедобное – несъедобное

Корнеев опоздал, труп уже выносили из подъезда. Двое коренастых мужичонок тащили носилки, на которых лежало что-то небольшое, накрытое чёрным пакетом. Ребёнок? Да хоть бы и так, Корнееву не привыкать. Может, и хорошо, что опоздал. Мёртвых детей ему видеть не хотелось, не сейчас, не сразу после ссоры с беременной женой. Дом, куда его вызвали, был четырехэтажной хрущёвкой с небольшим уютным двором. На лавочке уже собрались местные старожилы и с оханьем обсуждали происшествие. Корнеев отметил среди старушек тех, чьи лица выражали хитрое удовлетворение от собственного знания, и решил, что позже лично их расспросит о происшедшем.

Квартира, где произошло убийство, находилась на втором этаже. Входная дверь нараспашку, внутри громко переговаривались криминалисты. На лестничной площадке стоял опер Терпков и держал перед двумя понятыми планшет с протоколом, объясняя, где расписаться. Молодой совсем парень, недавно из учебки. Лицо у него было пока как у щенка, которого вывели гулять со взрослыми собаками, полное радостного дружелюбия и страха, что его не примут в стаю. Увидев Корнеева, Терпков заулыбался и рапортовал:

– Здравствуйте, Пал Палыч. Труп уже в морг повезли, а подозреваемого сразу пришлось в отдел, буйный оказался.

– Да ничего, потом туда поеду. Ребёнок?

– Нет, женщина была.

Корнеев мысленно фыркнул, не очень-то из него Шерлок, не угадал. Хорошо, что не ребёнок. Корнеев вспомнил листок с узи, которым Ленка трясла перед его лицом в порыве ссоры, и маленького, съёжившегося человечка на снимке, больше похожего на креветку. Следователь взъерошил ёжик недавно обстриженных к лету волос и, мучаясь от желания устроить перекур, прошёл в квартиру. Оттуда выходили эксперты-криминалисты. Фотограф Жора приветственно махнул и показал в сторону кухни. Маленькая прихожая однокомнатной квартиры была завалена грязным хламом. На самодельной вешалке висела плащ-палатка, ветровка защитного цвета и драный пуховик, а на полу валялись грязные болотники и рюкзак. Из туалета рядом тянуло куревом, ну а кухня встретила мешками мусора, пустыми бутылками, грязной посудой и резким рыбным запахом. Тут стоял кухонный уголок девяностых годов, замызганный гарнитур, древняя плита «Брест». Интересно, а холодильника нет? Хотя место для него тут нашлось бы с трудом. Подошёл Терпков, и в кухне сразу стало тесно.

– Тут она лежала, – Терпков показал на кухонный стол.

Корнеев с сомнением посмотрел на залитую бурой дрянью столешницу, на вид где-то полметра.

– Она лилипут, что ли?

– Да нет, нормальная, просто половина. Распилил он её.

– А вторая половина где?

– Ищем, – сказал Терпков. – Подозреваемый приехал вчера с рыбалки, соседи видели, как таскал вещи из машины, нива во дворе стоит. Сейчас её наши осмотрят. Потом ходил в магазин за водкой и закуской, а где-то под утро стали раздаваться странные звуки, потом крики, сосед снизу не выдержал и пошёл разбираться. Подозреваемый ему открыл сильно пьяный и потащил на кухню, а там труп. Свидетель вырвался и вызвал полицию. Пока показания давал, два раза проблевался.

– Мда. Холодильник есть?

– Мы тоже про него сразу подумали, в комнате он стоит. Но там только рыба. Ещё трёхлитровая банка икры. Жалко, пропадёт теперь.

– Ну, себе забери, – отмахнулся Корнеев, вот уж икры ему жалко не было.

– Нет, в отделе узнают, загнобят. Воровство же это.

– Да фиг с ней. Меня-то чего вызвали? Полбабы, конечно, страшно, но тут дело только в том, чтобы вторую половину найти.

– Не знаю, это не мы. Спецы, наверно, какой-то рапорт подали начальству.

Работы для следователя по особо важным делам тут действительно не было, но, может, криминалисты и правда усмотрели что-то особенное. Пока Корнеев видел только неприятную, но обычную бытовуху с пьющим контингентом. Ну, раз вызвали, надо работать, не с вопросами же к начальству приставать. В единственной комнате стоял холодильник, совершенно инородный для этой квартиры, двухдверный, с двумя большими отсеками морозилки. Ради интереса Корнеев открыл дверки и отшатнулся, в лицо пахло солёной рыбой, сразу вспомнился пивной магазин у дома.

После осмотра места преступления Корнеев решил, что пора пообщаться с жильцами, вышел из квартиры и спустился во двор. Корнееву казалось, что вокруг пахнет рыбой, похоже, его джинсы и толстовка успели впитать запах квартиры. Замеченные ранее старушки с интересом изучили его удостоверение и выдвинули в его сторону свои куриные мордочки, завохтали.

– Нас уже молодой следователь опросил, мы всё рассказали.

– По сто раз, что ль, рассказывать. Язык не казённый.

– У нас дел других нет, что ль.

Дел у них других точно не было, сидели они на этой скамейке намертво и наслаждались представлением, устроенным полицией, но набить цену и показать свою важность перед казённым лицом тоже было хорошим развлечением.

– Значит, не знаете ничего, – заключил Корнеев и спрятал удостоверение.

– Мы всё знаем, нечего тут нас. Протокол прочти, ленивый какой.

– Хорошо, прочту. Я только насчёт баб уточнить хотел.

– Много у него баб было, каждый раз новая. Да только все алкашки, пил он с ними.

– Дрались?

– Бывало, пьяный-то он агрессивный был.

– Вчера к нему женщина пришла. Не знаете её?

– Вчера баб не было чужих, он только приехал, успел в магазин за водкой и пивом сбегать и всё. Никто к нему не приходил.

Корнеев задумчиво достал сигарету и хотел закурить, но заметил, как вытянулись старушечьи шеи, словно клюнуть собрались, убрал пачку обратно в карман.

– Спасибо за содействие следствию. До свидания, – сказал он и поспешил к машине.

Закурил Корнеев в машине по пути в морг. Его ждало много работы, он записал в блокнот «Откуда взялась женщина» и затянулся.

Морг Корнеев не любил. Не столько из-за покойников и соответствующей атмосферы, а из-за самого здания. Приземистая постройка, один из самых старых корпусов больничного комплекса. Чистенькое, но старое здание, несмотря ни на какие попытки ремонтов, выглядело умирающим. Сколько ни замазывали трещины и ни красили стены, но Корнеев никак не мог избавиться от ощущения, что видит разлагающийся труп какого-то древнего чудища. Да и окружение способствовало такой мысли. Морг стоял в стороне от основных корпусов в тёмной дубовой роще, высаженной когда-то для прогулок больных. Деревья разрослись, и эта дальняя часть парка без ухода превратилась в мрачный лес.

Протиснувшись мимо перекосившейся и оттого плохо открывающейся двери морга, Корнеев прошёл по узкому коридору. Эхо шагов гулко отдавалось от стен, покрытых плиткой. У

двери секционной на лавке сидел Шилов и разглядывал дуговую пилу в руках. Худой и длинный он выглядел как аватар смерти в этих стенах.

– Чего грустишь? – спросил Корнеев.

– Полотно лопнуло. Говорил же Мишке – аккуратнее, опять чинить. А сколько раз в план ставил покупку маячковой... Эх. Жопят денег, гады. Ты насчёт «половинки»? Я там первичный осмотр набросал, остальное потом по результатам лаборатории.

– Ну и чего там?

– Да как тебе сказать. Странно всё. Умерла она от болевого шока, когда убийца её расчленять начал, до этого, похоже, находилась без сознания, есть признаки удушья. У неё же не только ног нет, халтурно, кстати, отпилили, ножовкой по второму поясничному. Так вот, у неё всё из брюшной полости вырезали, и есть у меня подозрения, почему так было сделано, но я анализы ещё подожду. Из органов только сердце и лёгкие остались. Сильно недоразвиты лёгкие, странно, что она смогла с такими дожить до этого возраста. С возрастом, кстати, тоже проблема.

– Какая?

– Да чего распинаться, пойдём покажу. Я на минутку вышел, прям взбесила эта пила, решил посидеть и успокоиться.

Шилов повёл Корнеева в секционную, помахивая пилой на ходу, как тамбурмажор. Тело лежало на столе, его даже не прикрыли, оставив зияющим провалом под рёбрами наружу. Корнеев с трудом отвёл взгляд от липкой темноты с белеющими костями и посмотрел на лицо жертвы. Некрасивая: широкий приплюснутый нос, узкие глаза с нависшими веками, овальное лицо, тонкая полоска сжатого рта. Такую легко представить продавщицей в ларьке или уборщицей. Волосы кто-то ей срезал у самого черепа, и неровные пучки их торчали, словно клочья соломы из головы огородного чучела.

– На вид вроде лет тридцать, а по вскрытию больше гораздо. Хотя там всяких аномалий развития хватает, так что это не самое главное.

– А что главное? Ты мне то, что для расследования важно, лучше скажи.

– Этот уже успел ей и руки нарубить, как рульку. Ещё немного и их тоже пришлось бы искать.

– Собирался по частям вынести, надо будет ближайшие помойки и колодцы проверять. Работы теперь. Ладно, пойду, будет ещё чего, пиши или звони.

Шилов замялся, помахал пилой вслед уходящему следователю и вдруг проговорил неуверенно:

– Я подозреваю, что искать надо не только ноги. По некоторым косвенным признакам она была на последних месяцах беременности. Я жду подтверждение из лаборатории.

Корнеев хорошенько выругался, но оборачиваться не стал и пошёл быстрее. Пришлось отзвониться Терпкову и дать новые вводные на поиск. Павел представил, как скривилось лицо опера, никому не нравится искать по мусорным пакетам труп нерождённого младенца. Впрочем, оставался более лёгкий путь: получить сведения от подозреваемого – это упростит поиск. Корнеев позвонил в отдел и узнал, что убийцу-рыбака отвезли не в следственный изолятор, а в специализированный психиатрический стационар. Психиатрическая больница находилась на въезде в город, в Приокском районе, на окраине деревни Ляхово. Административный корпус располагался в самом дальнем углу лесопарка, видимо, чтобы каждый посетитель мог пройтись по территории и проникнуться местным колоритом, посмотреть на старые корпуса из красного кирпича и больных в клетчатых пижамах. Побывать тут – словно провалиться в иное измерение: странные жители, странные правила, душливая атмосфера безвременья. Корнеев приезжал сюда и раньше, многие убийцы делали попытки закосить под неадекват, и приходилось везти их на освидетельствование, так что допросы в психушке вовсе не были ему в новинку. Корнеев отметился в регистратуре и попросил привести пациента в допросную. Затем пошёл

обратно к оставленной у шлагбаума машине, по дороге рассматривая инвентарные номера на корпусах. Его всегда это смешило. Ну, правильно, зданию обязательно нужен инвентарный номер, а то вдруг потеряется или украдёт кто.

Допросная находилась недалеко от шлагбаума в одном из старых корпусов. Маленькая палата, а точнее приспособленная под допросы процедурная, пара неудобных железных табуреток около покрытого клеёнкой стола, да кушетка в углу. Санитар привёл невысокого мужика со злобным лицом, тот шипел сквозь зубы что-то невнятное и дёргал плечами.

– Коклюшкин Валерий Сергеевич, семьдесят девятого года рождения, доставлен с подозрением на алкогольный делирий. Говорите, я рядом буду, лечащий позже подойдёт, – сказал санитар и вышел в коридор, дверь оставил открытой.

Коклюшкин рухнул на табуретку и уставился мутным взглядом на Корнеева. Одет он был в спортивные штаны и грязную футболку, похоже, то, в чём был на момент ареста.

– Здравствуйте. Я следователь, Павел Павлович Корнеев. Назовите себя, пожалуйста.

Корнеев достал протокол и ручку из папки, писанина всегда его угнетала, нарушала порядок разговора с подозреваемым, превращая допрос в тупое анкетирование. Пока запишешь, потеряешь взгляд подозреваемого, дашь ему время собраться с мыслями, что часто не шло на пользу правде.

– Сказали же, Валерий Сергеевич Коклюшкин.

– Вы задержаны по подозрению в совершении преступления, вот ознакомьтесь с протоколом задержания.

– Я ничего не сделал.

Корнеев решил не напирать на факты, ему и так было известно, что этот Коклюшкин убил женщину. Дело сейчас было в другом: собрать все детали как в прямом, так и переносном смысле. Спорить с, возможно, неадекватным человеком смысла не было.

– Кем вы работаете?

– Такую я четыре дня в неделю, работа нервная, так что я на Волгу езжу на рыбалку, три дня там живу.

– Не женаты?

– Вот ещё, бабы все истерички, житья от них спокойного нет.

– Поэтому вы и убили женщину? Она тоже была такой? Как её звали? – Корнеев «подсёк» в надежде, что растерявшийся от такого напора Коклюшкин скажет правду на автомате.

– Не убивал я никого!

– А чей труп сосед нашёл у вас на кухне? Соседи слышали подозрительный шум, в квартире были только вы.

– Сашка ко мне бухать припёрся, а на столе закуска лежала, я и показал... Чего выловил. А он меня ментам сдал. Да толку-то объяснять, не верит мне никто, и сюда притащили.

– Чему не верит?

– Русалка это была! А русалка – это не человек, нет у нас статьи за убийство русалок. Рыбнадзор зовите, я им штраф заплачу за улов в особо крупном размере.

Корнеев посмотрел на горящие безумной яростью глаза мужика, на его вспотевшее лицо. Ну и дела, похоже, с головой тут и правда полный ахтунг. Надо беседовать с врачом. Ладно, пару вопросов напоследок, а вдруг повезёт. Главное, спрашивать с позиции той реальности, в которой сейчас существует этот мужичонка.

– А хвост куда её дели?

– Как куда? Нарубил да в морозилку, кусок правда один пожарил, попробовать. Мясо вкусное, белое. Знаете, как у сома, только костей меньше. Я, когда её вытаскивал, так и думал, что сом.

Представив, что жрал подозреваемый вместо сомятины, Корнеев едва сдержал рвотные позывы. Потом, отдышавшись, продолжил допрос.

– А ребёнок у неё от тебя был? Куда дел?

– Какой ребёнок? Ты чего, следак, умом тронулся, я что больной рыбу трахать? Слушай, если не веришь. Я волосы у неё срезал и бросил, где выловил, у Дуденево, в затоне. Я показать могу. Не убивал я никого! Не убивал!

На истеричные крики Коклюшкина зашёл санитар, следователь кивнул ему, рыбака-убийцу вывели. Корнеев собрал бумаги и отправился в кабинет врача. Самойлов – лечащий врач Коклюшкина, крупный мужчина в белом халате, меланхолично пил чай, следователю кивнул и разговор начинать не стал. Не привыкли они тут разговаривать, больше слушают и смотрят.

– Что там по Коклюшкину?

– Врачебная тайна, – протянул Самойлов, – делайте официальный запрос.

– Слушай, давай без этого, мне работать надо. Будет запрос, ты же знаешь.

– Алкогольный делирий не подтвердили, но есть вероятность, что подтвердится алкогольная шизофрения, в данном случае бредовый психоз. Но я бы не спешил с выводами, он во всех сферах адекватен, кроме момента с убийством. Возможно, психика не хочет принимать этот факт, пусть психологи работают. Я за более длительное наблюдение, сейчас из-за продолжительного приёма алкоголя картина смазанная.

– Намекаешь, что он придуривается? Может, тогда к нам в отдел его?

– Могу точно сказать, что в русалку он верит по-настоящему. Ты пока работай, а мы разберёмся.

Психоневрологическую больницу следователь покинул в тяжёлых раздумьях, достал блокнот и посмотрел на единственную запись. Надо выяснять личность погибшей, но само дело по сути ясное, вот только что-то смущало. В голове крутился какой-то образ. Беременной жены? Нет, не то. Стола, распоротого живота... Завтра Корнеев съездит в Дуденево, возможно, жертва оттуда. Есть шанс, что Коклюшкин привёз с рыбалки местную жительницу, Корнеев покажет в селе фотографию, и её опознают.

Домой ехать не хотелось, но скрываться от Лены было свинством. Заехал в шестёрочку и купил чипсов, пирожных и солёных огурцов в надежде, что хоть что-то из этих даров придётся любимой по душе. Потом забежал ещё и в цветочный киоск у дома и купил красную розу, надеясь, что это точно станет козырем в их разговоре.

Дома всё оказалось спокойно. Похоже, Ленка забыла о скандале, как только он ушёл на работу. Жену он застал на кухне, она сунула нос в пакет и порадовалась подношениям, сразу открыла чипсы и стала их есть в прикуску с пирожными.

– Есть очень хочется.

– А чего не ела? – удивился Корнеев.

– Да вот дура. Рыбы захотелось, я пошла и живую купила, карпа здорового. Думала, полезная, свежая еда, а убить не смогла. А ещё он воняет, бее.

– И где рыба?

«Да что за рыбный день сегодня, – подумал Корнеев, разглядывая огромного карпа, плавающего в ванне. – Хорошо, хоть не сом, а то, боюсь, и я бы есть не захотел».

– Пааш, его убить надо и разделать. Пожалуйста, а то меня мутит.

Карп боролся за свою жизнь вяло, похоже, сил у него не осталось, смерть его и без ножа Корнеева была совсем близко. Отрезав голову с мутными глазами, острым лезвием вскрыл брюхо, оттуда вывалились склизкие рыбы кишки и два ястыка с зеленовато-коричневой икрой. Заглянувшая на кухню Ленка, зажимая нос, прогундела:

– Икру бы засолить, жалко, если пропадёт.

Солить Корнеев не умел, да и при взгляде на эти два мешочка, где теснились круглые нерождённые рыбы дети, в голове его что-то начало щёлкать и требовать внимания. Плюнул

и, пока жена не видела, смыл икру в унитаз. Ленка про неё не вспомнит, не до того ей сейчас, рожать со дня на день.

На рассвете его разбудил крик и плач жены, он вскочил и заметался в поисках кобуры, но, окончательно проснувшись, понял, что жена спит. Растролкал всхлипывающую Ленку, прижал и зашептал:

– Это сон, просто сон.

– Она сказала, что если ты её детей не спасёшь, то она нашего заберёт, – невнятно про-
бормотала жена.

– Кто сказал?

– Женщина какая-то, волосы такие длинные, вся мокрая, рыбой пахнет. Паш, выкини
рыбу, дышать нечем.

Проговорив это, Ленка снова провалилась в сон, а Корнеев погладил её по голове и пошёл
курить на кухню. Ужасов они давно не смотрели, Лена и раньше их не любила, перед сном она
обычно листала ленту с фотографиями фотомоделей и звёзд. Неужели вчерашнее убийство
рыбы так её напугало, хотя очень сомнительно. Ленка была из семьи заядлого рыбака и раньше
рыбу всегда разделявала сама. В голове снова защёлкало, и Корнеев отправился одеваться,
поедет в Дуденево пораньше.

Когда Корнеев подъезжал к селу, с дороги открылась картина гигантской воронки, на дне
которой терялись дома, спускающиеся к реке. Сама река в этом месте делилась на протоки.
Будто огромное чудовище вспоролу землю когтями, по бороздам от которых и потекла потом
вода.

Опорный пункт полиции находился на Советской улице рядом с крошечным прудом,
который на карте навигатора назывался Ручей. Участкового Давыдова удалось застать на месте,
он заполнял бумаги и очень удивился неожиданному гостю.

– Пал Палыч, к нам? Что-то случилось?

– Ну, не знаю пока. Хотел тебя спросить, не было заявлений на розыск женщин?

– Нет, а чего не позвонили?

– Да мне всё равно лично надо место одно проверить, подозреваемый сказал, что оставил
там улику.

– Так ты с конвоем и подозреваемым приехал, а я-то подумал, с проверкой, – рассмеялся
Давыдов.

– Один, подозреваемый слишком буйный, в психушке в себя приходит пока. Вот смотри,
эту женщину в селе не видел?

Корнеев показал фотографию «половинки» на телефоне. Давыдов внимательно посмот-
рел, устало потёр глаза.

– Не знаю такую, по ориентировкам тоже не проходила. А место твоё где? Я с тобой
скатаюсь, помогу с понятами.

– Где у вас тут на затоне чаще рыбачат?

– Ну ты спросил, я же не рыба надзор. Сам я это дело не люблю, лучшая рыба – это колбаса.
Есть у меня один представитель алкобратства, он часто с рыбаками трётся, может, знает твоего
и где тот рыбачил, – Давыдов вынул телефон, посмотрел на время. – Пошли, рядом с сельпо
должен сейчас торчать или около причала найдём.

Местный «рыбак» оказался крупным мужиком пятидесяти лет с красным лицом и мут-
ными глазками, сидел он около сельпо на лавочке, и взгляд его блуждал по прохожим в поисках
нужного человечка с деньгами. При виде участкового с чужаком лицо у «рыбака» стало ску-
чающим, и он поднялся с лавочки, делая вид, что вспомнил о невыключенном дома чайнике.

– Серёг, погоди, дело есть, – сказал Давыдов.

– У меня и без вас дел. Чего надо?

– Вот человек тебя спросить хочет, не видал тут одного рыбака?

Корнеев достал телефон и показал фотографию Коклюшкина, найденную им в соцсетях, там он позировал с большой шукой и совсем не был похож на убийцу-каннибала.

– Валерка это, Червяк. И чо? Вы рыбнадзор, что ль?

– Нет, мне место, где он рыбачил, надо посмотреть. Почему Червяк? На червей ловит? – спросил Корнеев.

– Да не-е, он по-пьяному делу крючком себе хрен зацепил, ну, «червя» своего личного насадил... Придурок. Такие дела. Вот только чужие рыбные места я не показываю.

Давыдов сплюнул, сходил в сельпо и вернулся с пузырьком спирта, после чего выжидающе посмотрел на Серёгу.

– Ну ладно, только я туда не пойду. Далеко. Так объясню.

Объяснял он минут десять, водя руками и путаясь в сторонах света, но Давыдов понял, по какой дороге подъехать и на каком участке реки искать. На точку решили добираться на машине, взяли уазик участкового, Тойота Корнеева там бы не проехала. Место оказалось укромное. Отсюда начинался заболоченный лес и лежали поваленные деревья, укрывавшие рыбака от посторонних взглядов. Корнеев осмотрелся: следов пьянки или борьбы не было, чистенько. Нашёл чёрную плешь, где разжигали огонь, обложенную камнями, а у самой воды небольшую утоптанную площадку, где втыкали рогатины для удочек и ставили раскладной стул. Тут подул ветерок, и Корнеев уловил колыхание длинных прядей, зацепившихся за рогоз, которым поросла заболоченная сторона затона. Пришлось раздеться и пройти по илистому дну, чтобы отцепить от длинных стеблей тёмные пряди женских волос. Не обманул Коклюшкин, свою жертву он встретил здесь. Вот только откуда она взялась? Нужно возвращаться и опрашивать местных рыбаков, возможно, она подходила к кому-то ещё. Волосы были метра полтора, женщину с такими должны были запомнить. Уложив мокрые пряди в пакет для улики, Корнеев пошёл в машину, ему казалось, за ним кто-то наблюдает из зарослей рогоза, и взгляд этот полз холодными мурашками по телу.

Давыдов привёз Корнеева обратно к опорному пункту, и они попрощались. Следователь нашёл Серёгу на причале ещё с двумя товарищами, они играли в карты. Настроение у всех троих было повышенное, в этом им помог бутылёк со спиртом.

– Вот посмотрите, эту женщину не знаете? – спросил Корнеев.

Двое игроков отпрянули от фотографии и, бросив карты, уверенным зигзагом совершили отступление к лодочным сараям. Серёга оказался не таким пугливым или более пьяным, он потёр нос и встал руки в боки, после чего рявкнул:

– Русалка это! Только ты не трогай её, беда будет. Мерзкие они твари, пусть и на баб похожи.

– Русалка? Их не бывает.

Надо же, может, Коклюшкин от этих нахватался, когда пили, общая галлюцинация.

– Может, где и не бывает, а у нас бывает, из моря они приплывают, в мае. Много лет уже, ещё прадед мой видел. Приплывут, перетопят народу, и снова их нет. Говорят, у нас тут тонут, потому что дно плохое, течения, а мы-то знаем, русалки это!

– И Червя вы об этом рассказывали?

– Зачем? Он не спрашивал, нафига ему русалки, он рыбу ловил. Про сомов спрашивал. Тухлого мяса набрал, снастей, хотел поймать самого большого. Слушай, ты про них тоже никому не говори. Не любят тут у нас про них. Лучше не трогать и не говорить. А мне не страшно, я в воду не лезу, меня туда не заманить.

Довольный своей тирадой, он, покачиваясь, удалился вслед за товарищами. Корнеев сел в машину и достал сигарету, в голове что-то неприятно щёлкало. Уже на трассе истерично зазвонил телефон.

– Пал Палыч, никак не дозвонюсь. У нас ЧП, подозреваемый утопился. Коклюшкин.

– Это как ещё?

– Да пошёл ночью в туалет, заткнул слив в раковине носком и утопился. Санитарка утром нашла. Приезжайте, тут надо отчёты составлять и решать, что дальше с делом. Опознали убитую женщину?

Корнеев уже не слушал, в его голове проносилось: «Русалки, нельзя трогать, беременная, приплывают раз в год, ИКРА, икра в банке, вскрытое пузо карася, беременность, икра в банке». Потом вспомнились слова жены после кошмара и утонувший в раковине Коклюшкин.

Он схватил телефон и набрал номер Терпкова.

– Ты на работе? Да, понятно. Икру не забирал из квартиры? Да, ту в банке. Отлично, давай на квартиру, мне откроешь. Срочно, нет, по смерти Коклюшкина потом. Объясню.

Квартира Коклюшкина встретила заметным запахом тухлой рыбы. Корнеев сразу прошёл в комнату, достал из холодильника икру и подошёл к окну, чтобы разглядеть как следует. От икры карпа русалочья отличалась слабо, разве что чуть светлее и крупнее, ничего необычного. Это заставило успокоиться, самая обычная рыбная икра. Но щёлкать в голове не перестало, ему казалось, что там в каждой икринке шевелится маленький живой червячок и укоризненно на него смотрит. Непонятно, правда то, что он узнал, или нет, но выкинуть икру в затон – отличная идея. Терпков с интересом смотрел на Корнеева и банку в его руках.

– Себе, что ль, решил забрать?

– Нет, следственный эксперимент.

– Так не пойдёт. Я тут, значит, бросил всю работу, а ты ничего не объяснил. Придётся в отделе у всех спрашивать, нафига тебе икра из квартиры подозреваемого.

– Шантажист, ладно, давай со мной, я по дороге расскажу. Но учти, это бред.

Они ехали в машине, и Корнеев рассказывал о том, что ему удалось выяснить, о кошмаре жены и его нехорошем предчувствии.

– То есть ты веришь, что Коклюшкин сожрал русалку? – посмотрел на него внимательно Терпков.

– Ну, не то чтобы прям верю. Русалок не бывает, но мне будет спокойно, если я выкину эту икру в затон, чтоб не думалось.

– Останови.

Корнеев резко свернул к обочине и остановил, непонимающе смотря на Терпкова. Неужто тот решил, что следователь сошёл с ума. Но опер смотрел зло, брови его сошлись на переносице, а руки сжались в кулаки. Терпков быстро вылез из машины и открыл заднюю дверь. Прежде чем Корнеев успел его остановить, вытащил банку с икрой. Корнеев, уже чувствуя неладное, выпрыгнул со своего места и дёрнулся к Терпкову, но было поздно. Банка летела на асфальт. Корнеев лишь успел прыгнуть и вытянуть руки, куда вонзились осколки, брызнувшие от разлетевшейся банки. Он заорал от боли, кровь капала с ладоней и смешивалась с расплывавшейся по асфальту слизи и осколками.

– Дурак! Зачем?

– Я дурак? А ты сам подумай, если всё, что ты говоришь, правда, то, получается, своего ребёнка ты спасёшь, а эти, – Терпков подошёл и растёр ногой по асфальту оставшиеся целыми икринки, – вылупятся и утопят за свою жизнь кучу других людей. Ты подумал, сколько за лето тонет детей? У меня брат утонул на Волге! Может быть, из-за такой твари, как та, что сейчас в морге лежит. Ну, а если это всё неправда, то и чёрт с ней, с этой икрой!

Корнееву хотелось ударить в морду наглому Терпкову, да какое право имеет этот молодкосос, всего пару недель как опер, читать ему нотации. Его остановило лишь то, что наивное щенячье выражение исчезло с лица опера, на следователя смотрел волкодав, уверенный в своей силе и правоте. Терпков ещё раз растёр икру ногой и, развернувшись, пошёл по трассе, доставая на ходу телефон. Корнеев достал из бардачка поллитровку с водой и пачку салфеток. Полил ладони водой и обтёр от крови влажными салфетками. На телефон пришло сообщение: «Ушла рожать, сильно не бухай». Корнеев посмотрел вслед Терпкову, но того уже не было видно на

дороге, похоже, сошёл в лес на обочине. В голове снова неприятно защёлкало, бутылка с водой затряслась в руке, а потом Корнеев встал на колени и начал собирать с асфальта уцелевшие икринки, опуская их в бутылку с остатками воды. Из порезов снова потекла кровь, и он добавил её в воду, может, поможет. Он не собирается жить и бояться, что однажды вода заберёт его ребёнка.

Сделав выговор Корнееву, Терпков пошёл по дороге в сторону города, достал телефон и набрал номер, ответили сразу.

– Да, Егор Ильич, закончил проверку Корнеева. Нет, не подходит. Да, хороший следователь, отличное чутьё на навь. Не подходит, потому что семья ему дороже, чем остальные. На его ребёнке проклятье русалки, надо снять. Хорошо, передам Настасье. Не надо машину, я «другой стороной» пройду.

Пока Терпков говорил, облик его менялся. Личина дрогнула, словно отражение в потревоженной воде. Когда рябь успокоилась, вместо молодого опера по дороге шёл мужчина сорока лет с лицом, изуродованным старыми шрамами. Ещё мгновение и идущая фигура выцвела и рассыпалась, взметнувшись облаком пыли.

Глава 2. Тёмное внутри

Лоб заливал липкий пот, а под ухом противно звенели комары. «Когда ж вы сдохните, твари, осень же», – думал Святослав. Саднило распоротую ржавым гвоздём руку, а другая болела от ремня металлоискателя. Лопату он давно отбросил в сторону, всё равно толку никакого нет, датчик молчал. Святослав не выглядел спортивным, скорее уж с детства страдал от лишней пухлости щёк и живота, так что эта прогулка на природе давалась ему нелегко. Сухая трава шуршала и колола ноги даже сквозь штаны, под ногами противно чавкал размокший от дождей суглинок, нестерпимо пахло болотом. Часть мёртвой деревни заросла березняком, так что и не заметишь сразу, что было тут когда-то человеческое жильё, только местами ещё торчали, словно кости чудовищ, осевшие и почерневшие срубы домов, от которых веяло какой-то жутью.

Про деревню ему рассказал Лёха, когда купил металлоискатель и пришёл агитировать друга на вступление в ряды «чёрных копателей». Сам Лёха узнал о ней от своей бабки. Её дед в молодости жил в этой деревне, потом у них случился мор или неурожай, а может, и то и другое, деревня вымерла. Дед переселился в Лямбиль, где и женился, а впоследствии родственники Лёхи перебрались в Саранск. «Там никто не копал раньше, а крестьяне зажиточные жили. Точно откопаем что-нибудь ценное», – распинался друг. В несметные сокровища, о которых с закатыванием глаз говорил Лёха, Святослав не поверил, но поехал за компанию. У Лёхи была идея фикс – разбогатеть, но не впахивая в офисе, а желательно разом. Он чего только ни пробовал: онлайн-казино, игры на бирже, сто способов заработать в интернете и торговлю китайской мелочёвкой. Так что Святослав Лёху не отговаривал, знал, что бесполезно.

Сильно вкладываться в затею с кладом Святослав не стал и купил на вторичке самый дешёвый металлоискатель, увидев который, Лёха взвыл дурным голосом и орал, что Славка мог бы и с палкой ходить, пользы столько же. Сам Лёха приобрёл Фишер и сейчас носился с ним по деревне, оставляя за собой вскопанную землю.

– Лёх, поехали домой. Мне руку обработать надо, вдруг столбняк. Ну, нет же тут ничего, – не выдержал наконец Святослав.

– Славик, не ной, иди к домам ближе, чего ты там топчешься. Мне чуйка подсказывает, что в этот раз дело верное.

Чуйка Лёхе подсказывала всегда, что вот-вот, ещё немного и «жизнь удалась»... Но вместо этого он был по уши в кредитах, и коллекторы названивали всем, с кем он был хоть шапочно знаком. Несмотря на это, народ продолжал занимать ему деньги, ведь Лёха выглядел как типичный хороший парень и сразу вызывал симпатию. Его искренняя улыбка и большие, по-детски распахнутые глаза многим внушали ложную уверенность в его честности и открытости. Святослав знал Лёху с детства и давно уже понял, что друг не брезгует врать в лицо, а за спиной часто говорит о людях гадости, называя лохами. Дружил Святослав с ним, скорее всего, по привычке, просто не знал, как можно послать старого знакомого, да и других друзей у него не было. Святослав привык, что он никому не нужен, новых знакомых обычно отпугивали его угрюмый вид и напряжённая молчаливость.

К домам Святославу идти не хотелось, снова начнёт пищать металлоискатель, придётся брать лопату и откапывать очередной гвоздь или ключ, а если «повезёт», то ржавые вилы. Хватит ему одной покалеченной руки. Святослав стал отходить от деревни к месту, где они оставили машину. Лучше отсидеться внутри тёплого салона, выпить чаю из термоса и полистать новости на телефоне, пока Лёха, как сумасшедший крот, перекапывает всю округу.

Неожиданно детектор запищал, и пришлось остановиться. За лопатой идти было лень, и Святослав поковырял землю носком сапога, металлоискатель продолжил пищать над ямкой. «Тфу, вот сука, копать придётся. Сейчас Лёха на звук примчится, пока не покажешь, чего

нашёд, не отстанет». Святослав осмотрелся вокруг, место было странное: ровный квадрат зелёного мха и вал земли, поросший травой. Может, старый фундамент дома или бани. Святослав ещё раз пнул мох, тут под ногой что-то хрустнуло, и в земле образовалась дырка, куда полетели остатки мха. Святослав отбросил металлоискатель и достал телефон, присел у дыры и посветил туда фонариком. Луч заметался по дну глубокой ямы, неожиданно высветил зубастую улыбку черепа.

– Мать твою! – заорал Святослав, дёрнулся от ямы и упал на спину.

– Чего орёшь? Змею, что ли, увидел? Не пугайся, тут полно ужей, на зимовку укладываются.

– Там в яме череп!

– Череп? Коровий, что ль? – всё ещё не понимая, сказал Лёха и быстро подошёл к другу.

– Там внизу человеческий череп, яма большая, – запинаясь, сказал Святослав и показал на дырку.

Лёха тоже включил фонарик и посветил в провал. Потом подпрыгнул и ударил по мху лопатой, расширяя дырку. Оказалось, яма была накрыта досками и дранкой, которые уже сгнили от времени и теперь осыпались вниз.

– Вау! Вот повезло, так повезло! Я же говорил, клад найдём.

Внутри оказалось несколько черепов и кости, но для Лёхи главное было не это, тут же лежали тусклые украшения, оружие и черепки.

– Ты смотри, какое древнее! По-любому больших денег стоит.

Святослав спрыгнул вниз и поднял с земляного пола металлическую пластинку, на ней был изображён зверь, чем-то похожий на ящерицу, и волнистые линии. Пока крутил в руках, заметил, что на морде зверя появилось тёмное пятно. Кровь! Святослав вскрикнул и отбросил находку в груды костей, но тут же понял, что это была его кровь, пластырь на руке отклеился, и рана снова закровоточила. Святослав раздражённо хмыкнул и вылез из ямы, стараясь не испачкать ладонь землёй.

Теперь в яму полез Лёха, то и дело он восхищённо вскрикивал, луч его фонарика метался по земляному полу. Вылез он лишь после того, как набил карманы мелкими украшениями.

– Мешки надо из машины принести, – заявил Лёха, деловито осматривая яму.

– Слышь, Лёх, место надо археологам отдать. Мы же всё равно не найдём, кому такое продать. Музейные же вещи.

– Чего? Да ты с ума сошёл, там золото есть! Старое барахло, ладно, не продадим, а золото – это золото, переплавить можно. Никому свою находку не отдам, я всю жизнь об этом мечтал.

– Мою находку, это же я нашёл.

– Охренел? Это я тебя сюда привёз! Идея моя, деревня моя! Я пошёл за мешками. Ещё с таким уродом и делиться придётся, да я и сам бы на этот схрон наткнулся, тебе просто раньше повезло.

Лёха ушёл к машине, а Святослав посмотрел на мшистую крышу схрона, за мхом шла размякшая от осенних дождей глина, на которой он заметил следы, словно прошёл босой ребёнок. Следы были свежие, но откуда ребёнок в лесу? Да и не видели они тут никого. «Ребёнок, осенью, без обуви...» – додумать мысль Святослав не успел, провалился в темноту.

Приходил в себя тяжело, глаза открывались с трудом. Попытался подняться и понял, что земля снова уплывает, замутило. Когда удалось сесть, оказалось, что он лежал в яме, рядом валялся череп, а в дыру наверху светило красное, заходящее солнце.

– Лёха! Лёха! – заорал Святослав, и тут в голову вступило так, что казалось, глаза хотят вылезти из орбит.

С трудом поднявшись, Святослав дошёл до дыры и вылез наружу, тут же вновь лёг на траву, борясь с приступом тошноты. Впрочем, рвотой пахло где-то совсем рядом, а ещё шта-

нина липла к ноге, холодя кожу. Кровь? Всё оказалось неприятнее: мокрая ткань резко пахла мочой. Рвотой же была перепачкана вся куртка камуфляжа.

– Лёха-а-а, – стараясь, отдышавшись, просипел Святослав.

«Вот урод, поди, в машине сидит греется, за мешками он пошёл. А я отчего сознание потерял? Может, сахар упал или отчего ещё в обморок падают? А как столбняк начинается?»

С трудом поднявшись, Святослав почти ползком добрался до машины. Лёха и правда был там, лежал на земле, а из распоротого живота вывалились на землю склизкие багровые кишки, зацепившиеся за стебли сухой травы. Святославу блевать было нечем, и он снова потерял сознание.

Очнулся, когда на деревню уже опустились густые сумерки. Нашупал телефон и вызвал полицию, повезло, что связь работала. Рассказать дежурному, где он находится и что произошло, удалось с трудом. Повезло, что Святослав помнил, в каком месте Лёха свернул с поселковой дороги и березняк, мимо которого они ехали.

Через час деревня наполнилась светом электрических огней, фары спецтранспорта разрезали темноту, метались лучи фонарей в руках у полиции и медиков. Святослав смотрел, как Лёху пакуют в чёрный пластиковый мешок, и всхлипнул. Его уже осмотрели врачи и сказали, что у него сотрясение мозга, кто-то ударил сзади по голове. Врач сказал, что Святославу повезло, такой удар часто грозит инвалидностью или смертью, а не лёгким сотрясением. Перед тем как Святослава посадили в скорую, к нему подошёл один из полицейских.

– Оперуполномоченный Терпков, можете ответить на пару вопросов? Пока без протокола, просто чтобы ускорить дело. Обстоятельный разговор будет, когда вам помогут в больнице, но преступники могут успеть скрыться.

Оперуполномоченный – улыбчивый парень возраста самого Святослава, кажется, смущался оттого, что ему приходится приставать к пострадавшему человеку с дурацкими вопросами.

– Да, только у меня голова болит, не уверен, что могу хорошо соображать.

– Ничего, я вам дам свой номер, звоните в любое время, как что-то новое вспомните или появятся какие мысли по поводу нападения, – Терпков протянул визитку, квадратик белого картона с номером телефона.

– Ладно, а какие вопросы?

– Перед тем как вы потеряли сознание, может, что-то видели или слышали?

– Да нет, хотя... Не знаю, странные следы. Это важно?

– Конечно! А чем странные?

– Ну, там были детские следы на глине возле схрона, босых ног. Сейчас же осень, и детей тут не должно быть, – Святослав смутился, может, привиделись ему эти следы потом, когда он лежал без сознания.

– Осмотрим, возможно, тут живёт семья бомжей или маргиналов. А где в это время был ваш друг?

– Он пошёл к машине.

– Вы это видели?

– Нет, я не стал смотреть, как он уходит. Мы с ним поссорились немного.

– Из-за находки?

– Да, на нас из-за неё напали? Там, наверно, всё забрали?

– Нет, всё на месте, это и странно.

Пока Святослав отвечал следователю, подъехал пазик, и оттуда выбралась гомонящая толпа.

– Это кто?

– Мы вызвали археологов, наш медэксперт не может точно установить дату смерти людей в яме, да и остальные предметы надо описать для протокола.

В это время археологи приблизились к яме, и раздались вопли: «Да ты посмотри! Офигеть! Тащи инструменты. Нет, ты это видишь!»

– Эх, интересно, что же я нашёл, – посмотрел Святослав в сторону возбуждённых археологов. Врач махал рукой, показывая, что пора залезать внутрь скорой.

– Я приеду в больницу показания снимать и обязательно расскажу, – Терпков улыбнулся и помог Святославу залезть внутрь скорой. – Давай ключ от квартиры, я тебе завтра вещи привезу.

Святослав обрадовался, вещи ему действительно привезти было некому, а полицейскому ключ от квартиры отдавать не так страшно.

Каждый ухаб поселковой дороги отдавался в череп тупой болью. Приезд в больницу прошёл как в тумане. Измученный дорогой и получивший от медсестры пару уколов Святослав успел заметить, что его соседи по палате пара дедов, и сразу заснул, как только голова коснулась подушки. Проснулся он от звука женских рыданий. В палате было светло, рядом с соседней кроватью на коленях стояла пожилая женщина, сотрясаясь в истерике. Её пытались поднять две медсестры. Скоро прибежала ещё одна медсестра с каталкой, и они, оттеснив от кровати рыдающую, перевалили с койки лежавшего там и, накрыв белой простынёй, увезли. Оставшаяся медсестра увела рыдающую женщину, а Святослав заметил возле кровати мокрые следы детских босых ног. Медсестра пришла через час и собрала вещи умершего соседа по палате, на тумбочке остались только маленькие иконки. Пока её не было, Святослав успел узнать, что у одного из дедов случился повторный инсульт, хотя его уже планировали выписывать. Вечером принесли больничным ужин, спросили, позвонил ли Святослав родным, и снова сделали уколы. Родным звонить было бесполезно, пьющие бабка и тётка точно не найдут время посетить родственника в больнице, а единственного друга убили. На работе Святослав попросил отпуск на пару недель, больничным там не оплачивали.

После ужина в палату пришли Терпков и женщина в полицейской форме. В отличие от молодого коллеги, выглядела она серьёзной, даже сердитой. Тёмные волосы собраны в пучок, серые глаза холодно смотрели сквозь стёкла очков. «Стерва», – была первая мысль Святослава.

– Я следователь – Кашина Анастасия Викторовна. Врач сказал, что вы уже способны ответить на наши вопросы и амнезии у вас нет. Расскажите вчерашний день, особенно подробности нахождения в деревне.

– Ну, приехали, ходили. Я раскопал два ключа, потом нашёл гвоздь и, когда выкапывал, поранил руку. Хотел свалить в машину, а тут запищал металлоискатель, и я ногой проковырял дырку, а там кости и украшения. Лёха пошёл за мешками к машине, а я сидел на краю ямы, а потом темнота.

Кашина сделала пометки в протоколе, но было заметно, что вся эта история ей совершенно неинтересна. Писала она, как девочка отличница, аккуратно выводя каждую букву, Святославу даже стало казаться, что она сейчас достанет цветные ручки и начнёт подчёркивать определения. Наконец она подняла на Святослава глаза и скучающим голосом спросила:

– Вы ничего не слышали? Ваш друг далеко успел уйти?

– Я отвлёкся, там странные следы были, не обратил внимания, как далеко он отошёл.

– Что за следы? – наконец в глазах этой фифы мелькнул интерес, и холод глаз сменился детским любопытством.

– Словно ребёнок босиком прошёл. Но там никого не было, мы бы заметили.

– Когда очнулись, что-то видели или слышали?

– Мне плохо было, покричал Лёху, никто не ответил, потом смог выбраться из ямы и поползти до машины, а там лежал... Знаете, ничего не слышал и не видел, пустая деревня. Дурацкая идея была туда ехать. А вы что-нибудь нашли?

– Это тайна следствия. Вот возьмите, – следователь протянула ему камень.

Святослав рассмотрел невзрачный чёрный пористый булыжник, похожий на пемзу, брать его в руки почему-то не хотелось, и Святослав тупо смотрел на протянутую руку Кашиной.

– Берите, – не терпящим возражений тоном сказала следователь.

Святослав подставил руку и содрогнулся, когда камень упал на ладонь. Голова снова заболела, а мир стал двоиться.

– Узнаёте?

– Нет, первый раз вижу.

Святослав с недоумением посмотрел на Кашину и чуть не заорал, образ её потёк, и вместо стервозной женщины на него с интересом смотрела девочка лет пятнадцати, хитро улыбаясь. В растерянности Святослав обернулся на Терпкова, который всё время разговора бродил по палате. К сожалению, опер успел выйти в коридор. Палата правда выглядела несколько иначе, особенно та кровать, где недавно умер старичок. Возле неё клубились серые тени, словно вылизывали койку длинными дымными языками.

– Отдайте. Прочтите и распишитесь, – одёрнула Святослава следователь.

Камень и правда уже начал ощутимо жечь руку, и Святослав бросил его на ладонь Кашиной, как горячую картошку. Следователь забрала подписанные документы и вышла, тут же в палату вернулся Терпков и остановился на том месте, где недавно Святослав видел мокрые следы.

– Ну, отстрелялся, теперь до суда не побеспокоят. Я твои сумки под кровать поставил, вроде всё нужное привёз, купил тебе ещё сыра и печенья. Квартирка у тебя норм, хорошо программисты зарабатывают. Я обещал тебе про находки археологов рассказать, слово держу. Интересно?

– Да, конечно, надо же знать, из-за чего Лёха умер.

– Ну, умер он ещё пока не ясно от чего. По секрету скажу, что его растерзало какое-то животное. Хотя пока точно не установили какое, но у твари были крупные когти и зубы. Да и клад никто не тронул, так что есть вероятность, что это трагическая встреча с диким зверем.

– Крупный зверь? Там же от Саранска пара часов на машине. Да и не мог меня зверь по затылку ударить.

– Уточняют. Так что? Рассказать о кладе?

– Да, хотя я уже и не рад, что мы его нашли, уехали бы раньше и живы остались.

– Если б да кабы... Не бери в голову, ты пострадавший, а не виноватый. Но я тебя не утешать пришёл, работы много. Так что слушай, и я побежал. Археологи нашли много чего в той яме, насколько я понял, этого в наших местах быть не должно. Слышал когда-нибудь про чудь?

– Ну, в меме про окрошку и на литературе, кажется, или истории. Чудь белоглазая?

– Ну, вот этот полумифический народ обычно связывают с Сибирью, но есть легенды у эрзя и мокши, что жили в наших краях, о царе Тюштян, и этот эпос, предположительно, имеет общее происхождение с преданиями о чуди. Но, насколько я понял, захоронений чуди у нас никогда не находили.

– В этой яме оказались они?

– Да, большая зажиточная семья. Археологи говорят, они скрывались от преследователей и сделали как у них принято, когда враг догнал. Выкопали землянку, поставили крышу на столбы, потом они спустились туда, а столбы подрубили, после чего, думаю, умерли от удушья.

– Зачем? Это же ужасно, там и дети были?

– Не знаю, может, они, как японцы, харакири делают, чтобы бесчестья избежать. Их бы поймали, имущество отобрали и заставили креститься. Вы не первые схрон нашли. В начале двадцатого века жители деревни откопали схрон, но ничего не взяли, а потом сделали новую крышу и забросали сверху землёй. Зачем? Понятия не имею. Может, нашёл кто-то один и решил припрятать на время, а потом начался мор, и он умер. Спросить уже некого.

– Значит, это большое открытие? Эх, я же говорил Лёхе, что надо учёных сразу звать.

– Ну, не все люди ценят вековое старье. Так, а следовательно тебя спросила про кровь?

– Какую?

– Нашли твою кровь на одном из украшений.

– Это я руку поранил гвоздём и не заметил, как испачкал, когда разглядывал, а потом испугался и выбросил. Вот, – Святослав протянул Терпкову пораненную руку, но тот как-то странно на неё посмотрел. Святослав сам посмотрел на ладонь и ахнул, раны там не было, лишь небольшой синяк багрового цвета. Может, руку перепутал, но другая ладонь никаких отметин не имела. Чушь какая-то. Похоже, крепко его по голове ударили: мерещится разное и в памяти несостыковки.

– Наверно, я что-то перепутал, – промямлил Святослав и дал себе зарок спросить врача, есть ли такие последствия у его травмы.

– Ну, бывает, ты не переживай, лечись. А если что, у тебя мой телефон есть, обязательно звони.

Терпков ушёл, а в палату бочком вползла санитарка и начала возить тряпкой по линолеуму, возле тумбочки с иконками она остановилась и перекрестилась, после чего вновь зашкрябала тряпкой. У Святослава снова заныла голова, и он отложил в сторону телефон, на котором пытался наугадить легенды про Тюштына и чужь. Смирившись, что ему ещё рано напрягать мозги, Святослав поплёлся на уколы, после которых захотелось спать.

Темнота напознала в окна, в ней шумели чёрные крылья воронов, мрак расчерчивали всполохи молний, а потом по ушам ударил гром. Святослав проснулся от крика, никакой грозы, за окном осенняя ночь, подсвеченная жёлтыми фонарями, а в палате уже выключили свет. Зато свет горел в коридоре, и слышно было, что там говорили по телефону.

– Да, скорее. Умерла. В процедурной, холодная уже.

Святослав успел снова задремать, когда по коридору прогрохотала каталка. Заболела голова, и, словно шершавый ком, к горлу подступила тревога. Святослав не знал, часто ли умирают в больницах, он никогда серьёзно не болел и лечился дома, но третья смерть за сутки показалась неприятной закономерностью его новой жизни. Горло саднило, и захотелось пить, воду он ещё не купил, так что взял кружку и пошёл к титану в столовой. Около процедурной стояли дежурная врач и ночная медсестра и шёпотом, прикрывая рты руками, словно боялись увидеть слова, разговаривали.

– Я зашла, а она лежит на полу. Я ей: «Лена, Лена, ты чего?» Спросонья и не пойму, думала, она на мокром поскользнулась. Нагнулась, а она уже остывать начала.

– Вот же ужас какой. Она же вечером мыла ординаторскую, мы с ней поболтали о внуках, я ей шоколадку сунула для младшей.

– Похоже, когда пол в процедурной мыла, и всё. Не заходил туда никто, назначения-то сделаны. А меня из пятой позвали, обезболить надо было, я ишла. Господи, жалко-то как.

На тихо идущего мимо них Святослава не обратили внимания, словно его реальность вдруг стала существовать отдельно от больничной. Он двинулся дальше, заметив лишь, как перекрестилась на последних словах медсестра. Тут же голову пронзила боль, весь мир раздвоился, и Святослав увидел, как к медсестре поползли серые тени. Святослав неожиданно разозлился, ему показалось, что тени, словно его собственные руки, которые неожиданно решили удушить кого-то против воли хозяина.

– Не смейте её трогать! – заорал Святослав.

Тени вздрогнули и, как туман, превратились в чёрную росу, капли которой тут же впитались в пол. Голова перестала болеть, и мир стал обычным. Святослав взглянул на врача с медсестрой, у тех в глазах он заметил недоумение.

– Вам что-то нужно, молодой человек? – осторожно спросила врач, вероятно, подозревая в парне психа или наркомана.

– Нет, всё хорошо. А можно мне завтра выписаться?

– Насильно у нас не держат, подойдите завтра к вашему лечащему врачу. Вас проводить до палаты?

– Нет, спасибо. Извините за беспокойство.

Святослав, забыв о воде, развернулся и быстро пошёл в палату, лишь краем уха услышав ответ медсестры на тихий вопрос врача.

– У него друга вчера убили, а его лопатой по голове.

Наутро ночное происшествие показалось болезненным сном, снова ныла голова, и причиной боли почему-то казались иконки на тумбочке. «Психушка по мне плачет, надо домой, а то точно отправят на принудительное лечение». К тому же мысли о дымных тенях, убиваемых людей и ощущаемых, как продолжение его собственного тела, не выходили из головы. Люди-то умерли, он это не придумал. Святослав посмотрел на соседа по палате, тот разгадывал кроссворд. Дедок оказался необщительным, про умершего соседа он лишь буркнул: «Пить надо меньше». С врачом на обходе ограничивался лишь фразой «нормально у меня всё, дома бы сидел, если б не жена дура». Святослав представил, что к ноге соседа тянутся дымные тени, но добился лишь того, что в деталях рассмотрел дедов резиновый сланец и носок. «Отлично, ставлю эксперименты на людях. Всё, пора домой». Святослав дождался врача и довольно легко получил выписку, правда со списком нужных лекарств и строгим предписанием соблюдать постельный режим и обязательно явиться на осмотр к неврологу через пять дней.

Дома было хорошо, душ смыл химический больничный запах. В холодильнике нашлась упаковка пельменей, которые после столовской еды показались пищей богов. Святослав сидел перед компом с чаем в руке, и два прошедших дня казались кадрами какого-то глупого сериала. Ну не могло такого случиться в его собственной тихой жизни. Святославу захотелось позвонить Лёхе и рассказать эту мутную историю, вместе посмеяться. Лёха бы заявил: «Снимают же такую жуть». И они бы договорились попить пива в пятницу. Святослав взялся за телефон, как резкий звонок в дверь заставил вздрогнуть и прийти в себя. На пороге стояла старая соседка сверху, бич подъезда, попившая крови всех жильцов дома без исключения. Особенно доставалось Святославу, как самому бесконфликтному.

– Чего устраиваешь, изверг! Второй день от тебя покоя нет!

– Я только из больницы выписался, дома никого не было, – промямлил Святослав, зная, что для соседки логические доводы давно не аргумент. Она хотела слышать шум, и она его слышала, наличие это шума в реальности было необязательно.

– В глаза же врёт, падаль такая! Да чтоб тебя...

Вдруг бабка оборвала свою истерику и вытаращилась на Святослава, а после стала неистово креститься.

– Жуть! Жуть-то какая! Наркоман проклятый! Это что делается-то!

Святослав почувствовал, как горячая спица вошла в висок, мир сдвинулся, и вокруг за клубилось серое марево, потянувшись к соседке.

– Пошла на хер, старая ведьма! – заорал он и захлопнул дверь.

Сразу осознал, что для теней дверь не преграда, он не успел ничего сделать, как с площадки послышался звук упавшего тела. Голову тут же отпустило. Святослав сел на пол, прислонившись спиной к шкафу. Выходить и проверять, что с соседкой, ему не хотелось. Посмотрев на смартфон в руке, Святослав тяжело вздохнул и набрал скорую. Дальше мысли забуксовали, кто помогает в таких случаях? Психиатр? Не вариант, люди умирают по-настоящему, а значит, тени не его глюк. Похоже, его путь «помоги себе сам». Святослав посмотрел на отражение в зеркале в прихожей и вздрогнул, чуть не завопил, как недавно это сделала взглянувшая на него соседка. Вместо карих глаз на Святослава из зеркала смотрели белые буркала с маленькими точками чёрных зрачков.

– Да что за хуйня! – взвыл Святослав.

Ему точно нужна помощь, быстро перебрав в голове немногочисленных знакомых, Святослав неожиданно вспомнил о Терпкове. Опер вроде нормальный мужик, может, что подскажет, полиция же занимается убийствами, а Святослав больше не хочет убивать. Пусть его даже посадят. Сколько дают за убийство по неосторожности? В панике, что потерял бумажку с номером, Святослав бросился к вещам и достал из кармана спортивных штанов карточку с телефоном, набрал номер. Терпков выслушал сбивчивые объяснения Святослава и сказал, что поедет, как освободится. Святослав снова сел на пол, ему казалось, что всё остальное вокруг него слишком зыбкое, не способное его удержать, он закрыл глаза и почувствовал рядом бездну, полную тьмы. Раздался звонок в домофон. Святослав вздрогнул и пришёл в себя, это оказалась скорая. Врачу Святослав объяснил, что соседка на него кричала, а потом упала без чувств. Трогать он старушку не стал, потому что побоялся сделать ещё хуже. Медики заполнили нужные бумаги, соседку забрали, Святославу пришлось помочь нести носилки до машины.

Когда скорая уехала, в дверь снова позвонили, это была одна из старушек, которая часто сидела во дворе, похоже, её привело любопытство. Открывать ей Святослав не стал, опасаясь, что всё опять кончится плохо. Он заметался по квартире, собирая рюкзак, дом больше не казался ему безопасным. Нужно скрыться от людей, пока он не поймёт, что происходит. Может, он какой-нибудь «венком», заразился древним вирусом в том схроне и теперь смертельно опасен для окружающих. Та деревня же вымерла после того, как кто-то откопал схрон. Воспоминание о деревне навели Святослава на то, что там и можно спрятаться. Осмотрит место и поймёт, что к нему прицепилось. Старенькая лада завелась с трудом, давно он на ней никуда не ездил. На трассе позвонил Терпков.

– Я готов к тебе.

– Нет, извини, пришлось срочно уехать.

– Ну вот, а я тебе новых фактов хотел подбросить, думал, объяснишь.

Неприятный холодок прошёл по спине Святослава, неужели опер узнал, что он виноват в смертях, или та следователь что-то раскопала.

– Эм, что-то важное? – стараясь не выдать дрожь в голосе, спросил Святослав.

– Давай так, ты меня не перебивай, а я расскажу те факты и выводы, что по ним сделал. Вы с другом откапываете клад. Позднее вы ссоритесь из-за того, что с ним делать. Лёха делает вид, что пошёл к машине, и, когда ты отворачиваешься, он убивает тебя лопатой по затылку, а тело сбрасывает в яму.

– Не может быть! Я же живой! Лёха так не сделал бы!

– Вся его лопата в твоей крови, а отпечатки на ручке только его. Там даже следы мозга есть, сомневаюсь, что после такого выживают. И людей там, кроме Лёхи и тебя, не было. Твой врач сказал, что на голове у тебя только небольшая гематома. Как объяснишь?

Святослав дёрнул руль, чуть не слетев с трассы. Что за чушь? Он мёртвый, может, он – это вовсе и не он? «Зверь, который растерзал Лёху, может, та тварь, что захватила моё тело?» Стало противно и затошнило, вспомнились разбросанные по траве кишки.

– Святослав? Ты где? – раздалось из динамика телефона, и Святослав сбросил звонок. Нужно срочно во всём разобраться.

Деревня встретила людным оживлением, тут работали археологи, о которых Святослав успел забыть. Он остановил машину у березняка. Так и не придумав, что теперь делать, Святослав взял рюкзак, вылез из машины и пошёл в лес. Голоса людей пропали вдали, и Святослав сел, опершись спиной о берёзу. Казалось, кора дерева потеплела, и Святослав почувствовал чей-то любопытный взгляд. Он прикрыл глаза и от отчаяния спросил у обступившей тьмы:

– Есть тут кто?

Неожиданно тьма разошлась, и к нему вышел невысокий старичок с белой бородой.

– Что тебе надо, колдун?

– Я не колдун.

– Тебя поглотил великий змей. Ты умер. Только пройдя через смерть, можно возродиться к новой жизни. Так чего хотел, колдун? Почему ты мешаешь вершить нашу месть? Ты же сам призвал нас в этот мир своей кровью, теперь мы родичи, наша месть – твоя месть.

– Месть? Родичи? – Святослав почувствовал. – Вы те серые тени, что убивают людей?

– Они загнали нас, как зверей, в леса, заставили прятаться под землёй. Нам есть за что убивать служителей белого царя.

– Вы должны перестать!

– Ничего мы тебе не должны, ты вызвал нас своей кровью, мы спасли тебя от смерти, великий ящер отомстил твоему убийце. Не мы тебе, а ты нам должен.

Святослав задумался, что он мог сделать, может, попробовать припугнуть этого деда.

– Тогда я изгоню вас обратно!

– Осилишь ли, вот твой приятель-воин, может, и сможет, да только и ты тогда умрёшь. Жизнь твоя заёмная. Надоел ты мне, колдун, юн и глуп.

Тьма сомкнулась, и старик исчез, Святослав открыл глаза и задумался. Знакомый «воин» это кто? Значит, изгнать духов можно, но Святослав умрёт, а если не изгнать, то пострадает много людей. Собственная жизнь Святославу нравилась, незнакомые люди нравились гораздо меньше, но подписать им приговор он был не готов. Он вернулся к машине и сел за руль, куда ехать и что делать дальше, было непонятно. В стекло постучали, Святослав повернулся и увидел улыбающегося Терпкова. Тот открыл дверь пассажирского сиденья и залез внутрь.

– Ну, как твои новые родичи? Смог с ними договориться, чтобы не безобразничали? – начал Терпков.

– Откуда ты это знаешь? – Святослав в ужасе посмотрел на опера. Кто он такой, если знает о разговоре с чужью?

– Работа такая – всё знать.

– Так ты не полицейский?

– Почему это? Очень даже полицейский. Даже не первый десяток лет, – образ Терпкова вдруг поплыл, и напротив Святослава уже мужчина пятидесяти лет, лицо которого избороздили шрамы. – Разрешите представиться: следователь спецотдела тринадцать – Терпков Александр Сергеевич. Так как твои переговоры с чужью?

– Никак, они отказываются меня слушать.

Терпков достал из кармана кителя и положил себе на ладонь чёрный пористый камешек. Он больше не улыбался, в лице его мелькнуло что-то волчьё, когда он снова заговорил.

– Что ж, тогда я должен их изгнать обратно в навь.

– Они сказали, что я умру, если это случится, – вздрогнул от понимания угрозы Терпкова Святослав.

– Технически ты уже мёртв, нужно правильно выбирать себе друзей. Ты получил просто несколько запасных дней.

– Знаете, давайте я просто уеду жить в какую-нибудь пустую деревню или к буддистам, например.

– Я не могу так рисковать, выпуская тебя из поля зрения, а времени следить за тобой у меня нет. Но я не зверь, дам тебе пару дней для поиска аргументов для чуди. Но даже если всё получится, работать ты станешь на нас, никто не позволит колдуну с отрядом мстительных духов жить без контроля сверху. Я думаю, ты меня понял. Рекомендую обратить внимание на Тюштына, возможно, чужь заинтересуют его поиски. Всё понятно?

– Да, спасибо. Я постараюсь с ними договориться, думаю, им тоже не захочется покидать этот мир. Можно вопрос, а что это за странный камень? Мне он почему-то не нравится.

– Это камень с берегов реки Смородины, а не нравится он тебе потому, что делает видимой навь и заставляет покойников возвращаться на другой берег. Так подстраховался, чтобы твои родичи втихушку не напали, пока мы болтаем. Жду тебя в нашем отделе послезавтра с

решённой проблемой. Вот адрес, – Терпков протянул Святославу бумажку с адресом. – До встречи, боец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.